

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

ПОВРЕМЕНИ СПИС

ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ

УРЕЂУЈЕ

А. БЕЛИЋ

уз

СТАЛНУ САРАДЊУ

Г. г. А. МЕЈЕ-А, проф. Collège de France, А. СТОЈИЋЕВИЋА, проф. Унив. у Љубљани, К. ЊИЧА, проф. Унив. у Кракову, Љ. СТОЈАНОВИЋА, акад. у Београду, М. РЕШЕТАРА, проф. Унив. у Загребу, О. ХУЈЕРА, проф. Унив. у Прагу, Р. НАХТИГАЛА, проф. Унив. у Љубљани, СТ. ИВШИЋА, проф. Унив. у Загребу, СТ. М. КУЉБАКИНА, проф. Унив. у Скопљу, ФР. ИЛЕШИЋА, проф. Унив. у Загребу, ФР. РАМОВША, проф. Унив. у Љубљани, и Х. БАРИЋА, проф. Унив. у Београду.

КЊИГА II.

БЕОГРАД. 1921.

К болгарскому ударению.

I.

Праславянское различіе циркумфлектированной (нисходящей) и акутированной (восходящей) интонаціи отчетливо сказалось в болгарском языкѣ в трех явленіях:

1. В переносѣ ударенія со слогов, имѣвших первую на *ъ* в членной формѣ односложных существительных мужескаго рода: *градѣтъ*, *врагѣтъ*, *бръѣтъ*¹⁾ — серб. *grād*, *vrāi*, *brēi*, слов. *grād*, *vrāg*, *brēg*, русск. *ѣрод*, *вѣрой*, *бѣрей*;

2. в переносѣ ударенія с таких же слогов на конец слова в окончаніи именительнаго падежа множественнаго числа — *овѣ*: *градовѣ*, *враговѣ*, *бръговѣ*;

3. в переносѣ с циркумфлектированных слогов на окончаніе ударенія в двусложных словах средняго рода: *златѣ*, *месѣ*, *снѣ*, *ухѣ* (ср. и *уши*) — серб. *zlatѣ*, *mesѣ*, *senѣ*, словинск. *zlatŏ*, *mesŏ*, *senŏ*, *uhŏ*, русск. *злото*. С этими примѣрами сравн. *градѣтъ*, *врагѣтъ*, *хлѣбѣтъ*, серб. *grāh*, *vrāh*, *hlēb*, словинск. *grāh*, *vrāg*, *hlēb*, русск. *горѣх*. *порѣи*; *прѣгове*, *хлѣбове* *блѣто*, *жѣто*, *мѣсло*, серб. *blāto*, *žito*, *māslѣ*, словинск. *blāto*, *žito*, *māslŏ*, русск. *болѣто*.

Вполнѣ параллельны наблюдающимся при циркумфлектированной интонаціи явленія старых подударных краткостей полнаго образованія (*о*, *е*): *родѣтъ* : *родовѣ*, *ледѣтъ* : *ледовѣ*, *морѣ*, *полѣ*, *окѣ*, *очѣ* — серб. *nŏle*, *mŏre*, *ŏko*, словинск. *roljŏ*, *torjŏ*, *okŏ*, русск. (діал.) с рефlekсами старой интонаціи краткостей *полѣ*, *морѣ*.²⁾ (См. Б. Цоневъ. За удареніето въ български езикъ. Сборникъ за народни умотв., наука и книжница VI [1891] 3—83 стр. и — раньше — F. Fortunatov. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslav. Sprachen. Archiv f. slav.

¹⁾ В членной формѣ на *-а* то же мѣсто ударенія — *градѣ*, *врагѣ*, *бръѣ*.

²⁾ Лѣка Егорьевск. уѣзда Рязанск. губ. Извѣст. Отд. р. яз. и слов. И. Ак. II. 1913 г. XVIII, 4, стр. 181.

Phil. IV [1880 г.] 575 и сл. Об — *овѣ* говорит, нуждающийся, впрочем, в коррективах, материал Цонева. Къмъ историята на български езикъ. Сборн. XIX, отд. стр. 12—13 и Л. Милетица. Das Ostbulgarische 47 стр. с поправками Цонева Диалектни студии. Сборн. XX, отд. стр. 20/21.)

Многія детали закона о переносѣ ударенія с циркумфлектированных долгот и с краткостей являются спорными.

Какъ ясно из случаев *плѣмень, кѣжель, младость, Господь, вѣчерь, ѣзеро, вѣсель* и т. д. словинск. *plamēn, kožēlj, mladost, Gospōd, večer, ezēro, vesēl*, удареніе с циркумфлектированных долгот и краткостей не переносилось с третьих, считая с конца, слогов, и, однако, мы имѣем *бртовѣ, прадовѣ* и т. п. Факты эти, мнѣ кажется, могут быть примирены слѣдующимъ предположеніем.

Параллельно *месѣ, ухѣ, окѣ* ожидалось бы фонетически во втором и третьем лицѣ ед. числа аориста *несѣ, тресѣ* из **něse, *trěse*: сербск. *něse, trěse*; если же этого нѣтъ, как общаго явленія¹⁾, то, по всей вѣроятности, потому, что трактующій перенос имѣл мѣсто, вообще говоря, только при измѣненіи состава слова, т. е. **měso*, но **mesōto, *brěgove*, по **brěgověčē, *rěki*, по **rěkitě, *lūde*. по **ludětē*. — Ср. и *мѣне, мѣбе, сѣбе*.

Господствующія теперь в литературном языкѣ формы *месѣ, окѣ, бртовѣ, родовѣ* и т. п. возникли позднѣе в результатѣ отвлеченія из форм членных. С такимъ предположеніемъ хорошо согласуется фактъ ширokaго распространенія в восточно-болгарскомъ отягченныхъ формъ средняго рода: *вѣно, чѣло* и др., появленіе которыхъ легко объясняется наличностью отнoшеній: **měso* : **mesōto, *zlāto* : *zlatōto*, по аналогіи которыхъ *vinō* : *vinōto, čelō* : *čelōto* измѣнились в *вѣно* : *винōто, чѣло* : *челōто* и под. Ср. діалект. *чѣка* : *чѣкѣта* и т. п. (Л. Miletić. Rhodopenmundarten. стр. 29, 31 и др.): **rěko* должно было бы, при предположеніи выдвигки и без измѣненія состава слова, перейти в **rěkě* и совпасть с удареніемъ именительнаго падежа.

Условія переноса, сопоставляя *бръвѣтъ, бръвовѣтъ, ржкѣтъ, месѣто, людѣтъ, младостѣтъ, петѣтъхъ* слѣдуетъ формулировать такъ: удареніе падало на послѣдній слогъ осложненнаго присоединившимся слову; если же этотъ слогъ имѣл редуцирован-

¹⁾ Діалект. *тресѣ, несѣ* и под. — результатъ вліянія *тресѣхъ, тресѣхъме* и т. д. Литерат. и діал. *тресѣсъ* и под. отражаютъ вліяніе 2—3 л. ед. ч.

ный гласный, то — на слѣдующій с гласным полного образования.

Ожидаемым при *i*-основах с циркумфлексированным коренным гласным *властѣтъ*, *грждѣтъ*, *пейцѣтъ* соответствуют отвлеченныя из них *грждѣ*, *пейцѣ*; ср. *пейцѣ*, *свѣцѣ*, *костѣ*, но и *пейци*, *свѣци*, *кѣсти*. Не исключена, впрочем, также возможность, отмѣченная Р. Брандтом (Краткая фонетика и морфология болгарскаго языка 1901 г., стр. 9), что удареніе конечнаго слога в таких основах стоит в связи со старым удареніем косвенных падежей.

Со срединных краткостей, как имѣвших вторую интонацію,¹⁾ переноса не было: *волѣветь*, *столѣветь*.

Внѣ членных форм, выдвигажа пзвѣстна еще при энклитических мѣстоименіях: *мжжѣ мѣ*, *синѣ мѣ*, но *брѣтъ ми*, *зѣтъ му* (Б. Цоневъ. Сборн. за народн. умотв. VI, стр. 46, Къмъ история на б. езикъ. Сб. XIX, отг. 8 стр.): серб. *мѣж*, *сѣн* : *брѣтъ*, *зѣтъ*; впрочем, первоначальныя явленія в этой группѣ фактов уже сильно затерты.

Предположенныя исходныя отношенія иллюстрируются фактами, на прим., Люблинской рукописи XVII вѣка:²⁾ *свѣтѣтъ* 1^а, 9^а, 3^а, *гласѣтъ* 51^а, 62^а, *домѣтъ* 26^а, 76^а, *тилътъ* 80^а; dat. s. *свѣтъѣ* 3^а, *влѣкъ* 9^а; асс. s. *влѣка* 7^а, 21^а, *мѣжа* 32^а и под.; *грѣдове* 1^а, 17^а, 24^а, 26^а, *сѣдове* 2^а, 2^а (серб. *сѣд*, слов. *sŕid*), *рѣнове* 7^а, *гладнове* 10^а, *сѣнове* 11^а, *дѣрнове* 86^а; с(и)мѣвете 11^а, *домѣвете* 30^а; *мѣжѣ* 32^а, 52^а, 30^а, 84^а, *людѣ* 22^а, 23^а, 1^а: *мѣжѣте* 4^а, *людѣтъ* 2^а, 23^а, 4^а; *три рѣна* 7^а: *кракѣта* 7^а, *костѣтъ* 53^а, 54^а, *рѣчѣте* 36^а, *грѣчѣте* 23^а —: *рѣчи* 5^а, 44^а и др., *мислѣтъ* 77^а; *нѣсъ* 8^а, 81^а, 104^а: *носѣте* 6^а, 8^а, *рѣчѣте* 6^а, 11^а, 20^а, 21^а, *ове* и *кѣзы* 37^а: *овеѣте* 37^а, *дѣкы* 51^а: *дѣкѣтъ* 51^а, *слѣмы* 17^а, 22^а, 20^а: *слѣмѣтъ* 22^а, 59^а, 60^а, 62^а; *злѣто* 6^а, 9^а, 16^а, *тѣло* 14^а, 34^а, *мѣсо* 33^а, 34^а, 50^а, 61^а, *ѣко* 77^а, 89^а, *мѣре* 41^а, *нѣле* 54^а, *ѣчи* 25^а, 28^а, 33^а, *ѣчи* 41^а, 77^а: *морѣто* 7^а, 18^а, 23^а, 25^а, *н(е)бѣто* 11^а, 12^а, *тѣлѣто* 14^а, 33^а, 34^а, 38^а, *мѣсо* 28^а, *ѣчѣте* 28^а, 34^а, 78^а, *ѣчѣте* 42^а; *дѣцѣре* 77^а, *дѣцѣрѣтъ* 77^а; — *срѣбро* 2^а, 6^а, 16^а, но *срѣбрѣ* 25^а; *вино* 20^а, 33^а, но *винѣ* 72^а; *ѣмно* 6^а и мн. др.

¹⁾ О второй, восходящей, интонаціи краткостей в особом этюдѣ. Наличие ея опознается в словниском: -ѣ-, -ѣ- в русскихъ диалектах: ср. Лѣкинск. ѿ (Валявец, Шахматов, Ван-Вейк и др.).

²⁾ Издана и описана С. Аргировым: „Люблинскыя българскыя рѣкописи отъ XVII вѣка“. Сб. за нар. ум. XII, 463—560 стр. и XVI—XVII, 241—313 стр.

Отступают только *двѣта* 13^с, 100^с, *двѣте* 27^с, 78^с, *трѣте* 17^с, 77^с (но ср. и „г̃ тѣ іодимъ“ 26^с).

При двусложной формѣ члена удареніе переносилось, по-видимому, на послѣдній: *влькатію* 27^а: *влька* 7^а, 21^а (серб. *вук*), но *цѣратію* 27^а (серб. *цѣр*).

Случаи колебанія нерѣдки, но относятся они, за очень немногими исключениями, которыя могут быть и просто описками,¹⁾ только к формам с цѣркумфлексированной интонаціей и представляют вполнѣ прозрачныя аналогическія образования: *свѣздыте* 72^а, но и *свѣздыте* 28^с, 72^а, *жєны* 32^а, 33^с, но п *жєны* 31^с, 33^с, 85^а, *ислѣыте* 27^с, при *слѣытъ* 22^с, 59^а, 60^а, 62^а, *ѣшитъ* 77^с, при *уошитѣ* 42^а, *слѣзыте* 63^а, 70^с, *мощитѣ* 62^а, *сѣрото* 63^с.

При акутированной интонаціи — ожидаемое мѣсто ударенія: *жѣлите* 2^а, *покиыте* 24^а, *дѣмата* 76^с, *дѣмыте* 43^с, *вѣрата* 52^с, *крѣната* 77^с, *змѣать* 65^а, *за ірѣлото* 65^а и т. п.

Из діалектов в исходным отношеніем близок, напр., матеріал, данный в описаніи села Чешнешръ (Нова Махала Станимашево) С. Георгіева (Изв. на Семинара по славянск. фил. при Унив. въ София II (1906—1907 г.) стр. 411 и слѣд): *вѣлиц*, *зѣби*: *вѣлицити*, *зѣбити* (431—432); *лѣва*, *кѣзи*: *лѣвити*, *козѣти*, (432—433); *ѣку*, *ѣчи*: *укѣту*, *учѣти*; *ѣшу*, *ѣши*: *ушѣту*, *ушѣти* (433—434); *чѣлу*, *чѣлѣту*, *мѣйку*: *мѣлѣто* (433). Ср. *кѣшитити*, *кѣжити*; *чѣдугу*, *чѣрлугу* (серб. *кѣжа*, *кѣжа*; *чѣдо*, *чѣло*).

Отступают лишь трехсложные: *брѣуви* — *брѣуити*, *лѣсуви* — *лѣсуити*. Но подвижность и при них свидѣтельствуется, напр., сѣверозападными, шуменскими говорами Средней Горы и др.: *вратѣте*: *вратѣте*, *лѣсовѣте*: *ласовѣте* и т. п. (см. В. Цоневъ: Къль исторіята... Отг. 13 стр.).

Нѣсколько категорій случаев в литературном языкѣ, противорѣчащих принятым положеніям, находят свое объясненіе в діалектах: так, отсутствіе в них форм вродѣ **пламенѣтъ*, **кжжелѣтъ* (словинск. *plamēn*, *kožēlj*) стоит, по-видимому, в связи с тѣм фактом, что трехсложныя слова вообще скорѣе теряют подвижность ударенія, чѣм короткія фонетическія формы которыя в діалектах нерѣдки — ср. *věčērōn*, *koreñōt*, *perelōn*, и под. (L. Miletić. Die Rhodopenmundarten der bulgarischen Sprache.

¹⁾ *гражжонѣте* 65^с (ср. *lbd. гражжонѣте* 65^с), *навѣ(а)о(и)цѣте* 81^а.

Wien 1912, S. 102, 184 etc.). В данном случаѣ тенденція сохранять удареніе на коренном слогѣ могла сказаться тѣмъ болѣе, что самый тип такого движенія ударенія искони был ограничен сравнительно небольшимъ количествомъ слов. Это же слѣдуетъ сказать об *изерото* : ср. *чѣтиво* при *чѣтивѣдъ*, *вариво* при *варивѣд* и др., которымъ соотвѣтствуетъ словинскій типъ на — *ivo* из *ivo* : *pletivo*, *predivo*, серб. *плѣтиво*, *прѣдиво*. Колебаніе ударенія объясняется предполагаемой дифференціаціей — *чѣтиво* : *чѣтивѣто*. || *Домѣ*, р. *дѣма*, серб. *дѣма*, словин. *doma* — удареніе идетъ в говорахъ, в которыхъ членныя формы оканчивались на *-st*, вѣроятно, изъ такихъ случаевъ, какъ, напр. в Любл. рук. 72⁶: *давъведемъ домѣси* (тамъ же и *Удомѣ* 69⁶). Особенно благоприятны были условія для совпаданія в діалектахъ с членомъ *-a*: ср. такія фразы, какъ *отивамъ си домѣ*, гдѣ функціи формъ тѣсно соприкасались¹).

Аналогическія образованія многочисленны. Такъ, удареніе члена стало правиломъ в *i*- основахъ женскаго рода: *властьтѣ*, *пецѣтѣ*, *младостѣтѣ*, но такъ же и *смѣртѣтѣ*, *дланѣтѣ* (серб. *смѣрт*, *длан*, слов. *smrt*, *dlan*, р. *долнѣ*), *радостѣтѣ* (серб. *рад*, слов. *rad*). Остатокъ старины представляетъ только *мѣдѣта*²) (*мѣдѣта* Любл. р. 6⁶), серб. *мѣд*.

У отдѣльных писателей можно встрѣтить *прадѣтъ*, *инѣдѣтъ* и под. (серб. *прѣд*, *инѣв*) вм. фонетическихъ *прѣдѣтъ*, *инѣдѣтъ*, *радѣдѣтъ* и под. (серб. *рад*) вм. *радѣдѣтъ* — факты, распространенные и в говорахъ. В Ловчанскомъ говорѣ, удареніе котораго в односложныхъ *o* — основахъ болѣе близко къ первоначальнымъ отношеніямъ, отступленіями являются имѣющіе в сербскомъ соотвѣтствіи в видѣ рефлекса акутированной интонаціи: *радѣтъ* — *радѣ*, *плачѣтъ*, *мразѣтъ*, *ядѣтъ*, *часѣтъ* (серб. *рад*, *плач*, *мраз*, *яд*, *час*) (Г. Цоневъ Сб. VI, 49), но изъ нихъ *ядѣтъ* имѣетъ в чакавскомъ (Новый) и словинскомъ соотвѣтствіи в видѣ *jad*, и в объясненіи, такимъ образомъ, нуждается не болгарская, а штобавская форма.

Плачѣтъ, можетъ быть, отражаетъ вліяніе ударенія *смѣхѣтъ*, *мразѣтъ*³) — *хладѣтъ*, а *радѣтъ* — *снѣдѣтъ* и *дждѣтъ* (ср. серб. *мјса*⁴) подъ вліяніемъ *бјха*).

¹) Ср. *doma* — „домой“ в говорѣ сливенскихъ колонистовъ (Болград. Бессарабск. губ.) (Н. Державинъ. Болгарскія колоніи в Россіи т. II. 1915 г. стр. 54), *doma* или *domi* в Шикиравкитѣ (ibid. 77 стр.) и др. (см. стр. 93, 108 и дал.).

²) В современномъ языкѣ такое удареніе указано у В. Симеонова. Самоучитель болгарск. языка 1910, стр. 12.

³) Но ср. и словацк. *mráz* < **mrāzъ*.

⁴) Догадка Решетара, слышавшаго только *misha*, о томъ, что *mъsa* у Караджича можетъ быть ошибкой (Arch. f. slav. Phil. XXXVI, 545), врядъ — ли удачна: ср. в Новомъ *mili* (отг. стр. 46).

* *čāsъ*, рано получившее в loc. s. конечное ударение (русск. в... *часѣ*), приняло, вѣроятно, нисходящую интонацію по аналогіи типа „циркумфлектированный корневоу гласный — ударение флексіи в loc. s.“ (можетъ быть подобное имѣло мѣсто и в чешскомъ — *čas*).

Изъ примѣровъ с сербскимъ соответствіемъ в видѣ рефлексовъ циркумфлектированной интонаціи, представляющихся Г. Цоневу отклоненіями (Сб. VI, 66—67), *букътъ* сопоставляется, кажется, по ошибкѣ: *бѣкъ* в сербскомъ значитъ „Der Ort des Wasserfalls, wo das Wasser im Fallen toset“ (Караджич), между тѣмъ в болгарскомъ, по крайней мѣрѣ, у Герова, имѣется *букъ* только в значеніи русск. *букъ* (дерево), которому и соответствуетъ серб. *бѣк* „Buchstabe, Schrift“ (Приведено у Berneker-a, Etymolog. Wörterbuch S. 99).

При сербскомъ *стрѣк* — в словинскомъ — *strók* (Плетершникъ), и болгарская форма можетъ соответствовать послѣдней. Наличие въ резьянскомъ *strók* — чеснокъ (И. Бодуэн-де-Куртенэ. Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ § 127) дѣлаетъ вѣроятнымъ старое колебаніе интонаціи (ср. и чешск. *strouk* и *struk*).

В *рѣстѣтъ* — иной сравнительно с сербскимъ, гласный.

На то, что ни *рѣятъ*, ни *крѣятъ* не являются отступленіями, указалъ уже С. М. Кульбакинъ (Български старини III. Охридская рукопись Апостола конца XII вѣка 1907 г. стр. LXVIII).

Безъ объясненія остаются *трѣйтѣтъ*, *брѣстѣтъ*, *гѣстѣтъ*.¹⁾

II.

Разбирая примѣры, относящіеся къ праславянскому положенію „долгота передъ подударнымъ гласнымъ флексіи“ в о-сновахъ и совпавшихъ с ними: **kľicě*, **lěkě* и под., приходится прежде всего констатировать отсутствіе единства в отраженіи стараго ударенія (интонаціи): с одной стороны *нѣштѣтъ*, *кѣштѣтъ*, с другой *лѣштѣтъ*, *сѣштѣтъ*, и такъ же *трудѣве*, *кѣштѣве*: *триховѣ*, *умовѣ*. Но при краткостяхъ в такомъ положеніи мы имѣемъ довольно строгую послѣдовательность: *кѣштѣтъ*, *бѣштѣтъ*, *кѣштѣтъ*, *пѣштѣтъ*, *лѣштѣтъ*, *рѣштѣтъ*, *рѣштѣтъ*, *кѣштѣтъ*, *пѣштѣтъ*, *сѣштѣтъ* и др. словинск. *könj* — *könja*, *böb* — *biba*, *köl* — *köla*, *röd* — *röda*, *glög* — *glöga* (Valjavec, Rad CXXXII, 167 при *glög* — *glöga* у Плетершника), *köš* — *köša*, *rör* — *röra*, *söm* — *söma*, сербск. *köm* — *köma*, *böb* — *böba*, *röd* — *rödi* (посавск.

¹⁾ Послѣднее отсутствуетъ в словарѣ Герова.

Rad CXCVI, 236 и чак. (Новый). Изв. XIV, кн. 2, стр. 34), *лѡг* — *лѡга*, *грѡб* — *грѡба*, *грѡи* — *грѡша*, *кѡи* — *кѡша*, *пѡи* — *пѡна*, *сѡи* — *сѡма*, русск. *коня*, *бобѡ*, *колѡ*, *пшѡ* в ЛѢБѢ (Изв. 1913 г. XVIII; кн. 4, стр. 185), *кошѡ*, *попѡ*, *сомѡ*; к *лѡтъѡ*, которому в русском соотвѣтствуетъ р. *лѡѡа* в м. ожидаемаго *лѡѡѡ*, ср. еще словацк. *lôh*. Соотвѣтственно во множ. числѣ выступаютъ *попѡѡе*, *стоѡѡѡе* и под.

Старым ударением множественнаго числа существительныхъ этого типа естественно считать -ѡѡе: серб. *грѡѡѡи*, *брѡѡѡи*, но *сѡѡѡи* = суды, *диѡѡѡѡи*.¹⁾ У Караджича „*диѡѡѡѡ*, м. (јуж;) пл. *Диѡѡѡѡи*“⁴⁾. Конечное ударение в sing. свидѣтельствуется посавск. *dil. dila* (Rad CXCVI, 234) и словянским *děl*.²⁾

Распространение такого мѣста ударения в сербском и на тип с ударяемым циркумфлектированным гласным корня Решетар ставит, по моему, справедливо в связь с ударением genet. i dativ. plur. (Die serbo-kroatische Betonung südwestlicher Mundarten. 1900, 71 стр.). Что касается, однако, его мысли, к которой сочувственно отнесся и Лескин (Archiv für slavische Philologie. XXIII, 564), что ударение Вука-Даничича *kráľeci* новѣе, чѣм *kráľeri* в диалектах, на том основаніи, что мѣсто ударения и количество совпадаютъ с sing., между тѣм как при осложненіи состава слова ожидалось бы сокращение, как в *grād : grā-dovi*, то этот аргумент мнѣ не кажется убѣдительным: перед подударной серединой краткостью количество могло быть иным, чѣм при подударности начальнаго долгаго в многосложном словѣ; при том соображеніе, выдвинутое Решетаром при краткостях (стр. 49): „Die Endbetonung in den übrigen Casus mit Ausnahme des Gen. ist wohl ursprünglich, da die jüngeren erweiterten Formen zunächst gewiß die Betonung der älteren unerweiterten behielten, also *popŏvi* — *popŏvima* u. s. w. nach *popŏ* — *popŏma* (bezw. *popŏm* u. s. w.)“³⁾, мнѣ кажется, должно сохранить силу и в случаях с долготами.

По аналогіи двух других южных словянскихъ языковъ можно думать, что в типѣ односложныхъ подударныхъ краткостей с отпавшими в послѣд-

¹⁾ Старым ударением, по отношенію не прасловянским, так как распространение окончанія *ѡѡе* на *ѡ*- основы, в том числѣ на случай с конечной ударяемостью, имѣло мѣсто в особой жизни словянскихъ языков и притом, в болгарском, по крайней мѣрѣ, не очень рано.

²⁾ Ср. Dj. D a n i ć i ć. Akcenti u imenica i pridjeva. Drugo izdanje. 1913 стр. 18, 20—21.

³⁾ См. и прилѣчаніе на стр. 48.

ствіи конечными редуцированными произошло удлинение и в болгарском, т. е., как в сербском и словинском, **rōdъ*, **lēdъ* > серб. *pōd*, *lēd*, словинск. *rōd*, *lēd*, в болгарском они измѣнились в **rōdъ*, **lēdъ* (и соотвѣтственно **nōštъ*, **pēštъ* > **nōštъ*, **pēštъ*: сербск. *nōh*, *nēh*, слов. *nōč*, *pēč*). Между тѣмъ предударный старая краткости сохранились, причем при переносѣ ударенія с конечнаго редуцировааннаго онѣ получили восходящую интонацію¹⁾, которая на послѣдующіе слоги потом уже не переносилась: *стдлѣтъ*, *вѣлѣтъ* и т. п.

Слова же, гдѣ в корнѣ была долгота перед удареніем, типа **klūčъ*, **sqđъ*, получили, вѣроятно, как в словинском и чакавском-сербском, в этом случаѣ третью интонацію долгот: **klūčъ*, **sqđъ* и при осложненіи состава слова членом с таких слогов удареніе не переносилось.

Если в болгарском, подобно сербскому и говорам словинскаго языка, слоги с акутированной долготой сократились, то в извѣстный період в нем должны были существовать отношенія: 1) **xlěbъ* : **xlěbovetě*, 2) **grādъ* : **gradovetě*, 3) **rōdъ* : **rodovetě*, 4) **rōlъ* : **rolōvetě*, 5) **klūčъ* : **klūčōvetě*.

В эпоху утраты качественных различій долгот часть слов, принадлежавших к типу 5-ому, не представляя болѣе никакого отличія в именит. падежѣ единств. числа сравнительно с типом 2^м и 3^м подверглась их вліянію, в результатѣ котораго явились формы *трихѣтъ*, *трихѣтъ* и под.

Сербскіе діалекты при краткостных корнях в этом типѣ обнаруживают также большую склонность к ударенію на *-ove*, чѣм при долготных (см. Rešetar. Opus cit. 49, 55).

Думаю, что и в сербском совпаденію во множеств. числѣ способствовала близость ном. s. типов *krāļ* и *sīn*, тогда как в *bōb* и *nōh* количество в ном. s. было различно. Индукція типа *prāg* не могла быть сильной, так как образованія *u*-основ, от которых началось вліяніе, акутированной интонаціи не имѣли.

Среди матеріала Б. Цонева (Сб. VI, 66—67) есть нѣсколько примѣров накореннаго ударенія в членной формѣ, которому в сербском соотвѣтствует нисходящая интонація. В нѣкоторых из этих случаев мы

¹⁾ Ср. діалект русск. *стѣл*, *овѣр*, *явн* при *ноч*, *бок* (Лѣва. Изв. 2го отд. XVIII, кн. 4, стр. 185 и 180—181) (w — рефлекс праславянскаго o с восходящей интонаціей: *кѣжи*, *вѣлѣ*, *кѣслиш*, *вѣзъют* — словянск. *kōža*, *vōlja*, *nōkīs*, *vōzīs*) и словацк. *stōl*, *nōž*, *bōb* при *bōk*, *ноч* и под. См. С. Кульбакинъ. Въ исторіи и діалектологіи польскаго языка Сб. Орн. Огд. русск. яз. и слов. LXXIII N 4, стр. 155 и сл.

имѣем, вѣроятно, старые дублеты — охутона: так, *прѣтътъ*, (*пѣртѣтъ*) соотвѣтствует словацк. *prít*, русск. gen. s. *прутъ* (при *прута*) и, м. б., сербск. n. pl. *прутови* (см. выше), *сѣртѣтъ* — русск. gen. s. *серпѣ*, *шѣтътъ* — русск. gen. s. *шпѣ*, чешск. и словацк. *šip*, *лѣтътъ* (при *лѣстѣтъ*) — русск. gen. s. *листвѣ*, м. б., серб. n. pl. *листови*.

В случаях с краткостями охутона-ми слѣдует считать: *смѣкътъ* — сопоставленіе этого слова с сербским *смѣк* у Цонева, кажется, ошибка: в сербском *смѣк* — *смѣка* „... die Zukost, opsonium“ (Караджич); такое слово отсутствует у Герова: *смѣкъ* у послѣдняго значит „змяна... elaphis quadriliniatus u elaphis quatterradius“, в словинск. *smòk* — *smòka*, чему фонетически в болгарском должно было бы соотвѣтствовать именно *смѣкътъ*, а не **смѣкътъ*; с *хѣдѣтъ* сравн. словинск. *hòd* — *hòda* (при *hòd*), с *бѣрътъ* ср. слов. *bòr* (Мурко, Хостник), серб. *bòr* — *bòra* в Прчани (Rešetar. Beton. 45), сюда же, м. б., и ном. pl. *бѣрови* у Вука (См. и van Wijk, Arch. f. sl. Phil. XXXVI, 332), с *рѣдѣтъ* ср. слов. *ròj* — *ròja* и *ròj* — *ròja* у Мажураича (Arch. f. sl. Ph. XXXVI, 326). О других — С. Кульбакинъ. Охридск. рук. Апост. LXVIII.

Только, вѣроятно, на болгарской почвѣ ассимилировалось типу с конечным удареніем „*gostъ*“ — *ѡстѣтъ*: ср. слов. g. s. *gòsta* (при *gòst* — *gostû*), или получило из других надежей краткость, как в чакакск. — Новый *gòst* — *gòsta* (Белич, отг. 28), оштар. *gòst* (Rad CLXXX, 22). Односложныя слова с корневым редуцированным, насколько позволяет судить матеріал Цонева, имѣют удареніе в членной формѣ не на корнѣ, независимо от того, свидѣтельствуют ли сербскій и словинскій об удареніи флексіи или корня: *лѣнѣтъ* (серб. *lân*, -а, посавск. — Rad CXCVI, 235 *lân*, -а, словинск. *lân*), *денѣтъ* (сербск. *dân*, -а, словинск. *dân*), *сѣнѣтъ* (серб. *sân*, *snâ*, слов. *sên*, *snû*, *sân*, *snû*), *пнѣтъ* (серб. *nân*, *nâna*, чак. (Новый) *rânj*, -а, слов. *rânj*), *дѣждѣтъ* (с. *dâjêd*, *dâjêda*; в Акад. слов. *dâžd*, *dâžda*, так и в Прчанѣ и Дубровникѣ — Reš. Bet. 46 — слов. *dêž*, *dêžja*). Такое мѣсто ударенія можно одинаково объяснять как тѣм, что при корневых редуцированных дольше сохранялось конечное удареніе¹⁾, так и, в случаях ударяемости корня, переносом, параллельным краткостям полного образования. Послѣднее вѣро-

¹⁾ В пользу этого говорило бы приведенное Аргировым из Люба. рук. *вънѣсътъ* 36^a (Сб. XVI—XVII, 283), но эта форма, кажется, опечатка: в текстѣ (Сб. XII, 495 стр.) „*вънѣсътъ*“.

итѣе: сравн. литер. удареніе — *дѣждовѣ*, в Люб. рук. *сѣмѣе* (сны) 89^а. Отступающіе случаи *дѣркѣтъ*, *кѣрѣтъ* отражают, вѣроятно, особое положеніе — *рѣ*. В Любл. рукописи ожидаемое мѣсто ударенія — и *кр(ѣ)стѣтъ* 35^с.

Среди примѣров Цонева выступают и заимствованія из турецкаго. Для них первоначальным слѣдует считать в членной формѣ удареніе корни (Ср. и П. Лавровъ. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка 1893, 219 стр.). Исключеніе представляет только *хакѣтъ*, но Цонев опять-таки, думаю, ошибочно сопоставляет его с сербск. *хѣк*. Последнее значит „душак, Hauch, halitus“ (Караджич), болгарскому же, заимствованному из турецкаго со значеніем „плата, жалованье“, соотвѣтствует сербск. *хѣк*. В Любл. рукописи — фонетическая форма *хѣкътъ* 34^а.

Точных хронологических данныхъ для опредѣленія эпохи выдвѣжки в болгарскомъ нѣтъ; но если приведенное выше объясненіе отяжечныхъ форм *вѣмо*, *нѣмо* и под. вѣрно, то движеніе ударенія с циркумфлектированныхъ корней в болгарскомъ придется относить ко времени до XIV вѣка: ср. отяжечныя формы из рукописей XIV вѣка, приводимыя Лавровымъ (стр. 224).

Харков, 1921 г.

Л. А. Булаховскій.